

на злобу дня:
литература и псевдо...



183

Вася Матарский

Книги, похожие на особняки

Устроившись поудобнее на диване и взяв новую книжку в руки, я приготовился к погружению в незнакомый текст. Книги напоминают мне комнаты, кабинеты и потаённые «карманы» закутков, куда хозяин особняка отнёс свою «шкатулку с секретом». Если на неё сразу наткнёшься в прихожей, это не то. Нужно – поискать, потрудиться! Но такие книги-особняки встречаются редко. Чаще попадаетесь скучная «комнатёнка» в хрущёвке. Автор всячески старается приукрасить её, тащит туда

Мои первые скучные книжки

184

литература и псевдо...

золочённые викторианские кресла, китайские вазы с камышом, тяжёлые ковры с персидским котом... Напрасный труд, вся эта роскошь там смотрится хламом. При этом у другого автора – хозяина какой-нибудь старой дачи с верандой – весь потемневший хлам почему-то выглядит роскошно. Вот, стоит многоуважаемый книжный шкаф, в котором водятся умные мыши, кресло-качалка с вязаной кофтой, в сумерках превращающейся в кошку, пыльное зеркало, уводящее тебя в проём потустороннего окна, где вздыхает погрустневший сад...

Вот так и живёшь, захаживая туда-сюда в гости. Где-то чувствуешь себя старым приятелем, соседом, но чаще всё-таки чужестранцем. Принимаешься, тянет тухлячком. Нездоровый дух исходит от жилища, то есть от книги. Быстрее торопишься наружу, чтобы сделать большой глоток воздуха.

Когда проза скучна, я начинаю наблюдать жизнь за окном, порой она гораздо интереснее писанины. Вот под моим балконом торчит чёрный пенёк, когда-то он был узловатой ивой, по которой лазил мой сын-школьник. Сын вырос и уехал, а иву свалила гроза. Недавно открыл Пушкина, а там узкий листочек остался – один одинёшенек – от всего этого могучего дерева, своей макушкой подметавшего крышу пятиэтажки. Или вот гляжу я на помойку, в которой по утрам копошится старушка в огромных мужских башмаках и длиннополой шинельке. Ну, прямо сошедший со страниц Акакий Акакиевич! Смотришь на неё, жалеешь и придумываешь ей горькую судьбу-биографию.

Но если только зачитаешься какой-нибудь интересной книжкой, то всё – баста. Нет тебя для окружающих. Ушёл, растворился в вымышленном мире, который реальнее, чем сама реальность! Как такое называется? Конечно, чудо!

Вспоминаю свою первую встречу с плохой книгой. Тогда я учился в третьем классе. Мы зашли с мамой в книжный магазинчик, расположенный слева от кинотеатра «Победа» (сейчас здесь расквартирован Татарский ТЮЗ). Она спросила меня, какую книжку купить. Я показал на гладко изданный сборник рассказов с яркой картинкой на обложке. И вот залез я с этой покупкой – новенькая, хрустит и пахнет типографской краской! – на своё любимое «кресло», созданное самой природой в стволе американского клёна, и принялся читать.

Три страницы прочёл, чего-то не то, чего-то скучно, про какую-то комсомолку, запросто завалившую целый немецкий взвод, написано, но напрягаюсь дальше.

Ещё две странички одолел. Ну, не затягивает и всё! Я уж и на обложку люблюсь и картинки разглядываю, а пробую опять читать – глаза слипаются. Помучив себя и книжку, я нашёл ей достойное применение. Взял и употребил на самолётики. Они красиво парили над крышами домов, атакуя бредущих с работы соседей.

С тех пор минуло тридцать лет, теперь меня, конечно, обложкой не проведёшь. Ноздрями чую и подушечками пальцев скрывающихся за коленкорами с золотым тиснением графоманов. Они страсть как любят мелованную бумагу, витиеватый шрифт, «добрые слова» разных известностей в свой адрес где-нибудь в начале или конце фолианта. Их книги – это увесистые сувениры, похожие на дорогие коробки из-под семизвёздочного коньяка. Каждый такой экземпляр надо бы снабжать бутылкой, чтобы глаза и мозги смазывать, предохраняя их от словесного клея.

Разновидности графомании

Печатать свои книжки теперь не проблема. Можешь даже отказаться от услуг редактора и корректора. После крушения Союза и отмены цензуры в стране получил широкое распространение вид «графомана безобидного». Издаётся он за свой счёт, небольшим тиражом, который расходуется по родственникам и друзьям. Для него это что-то вроде хобби. Один шутливо признавался мне: «Вот, раньше я чеканкой увлекался, соседней стучком изводил, а теперь книжки пишу. Тишина!» Подкопит за год денег, скопит капитал из своей полковничьей пенсии, и вместо того, чтобы за границу съездить или в санаторий, новую книжку стихов издаст. Жена, как единственный читатель, в восторге! Хотя новую шубу она бы «прочла» с гораздо большим интересом.

Сложнее дело обстоит с графоманами... «талантливыми». То есть, набившими руку, заручившимися поддержкой именитых писателей, окруживших себя частоколом статуеток в виде муз и перьев разной величины. Такой никогда не сожжёт свою рукопись, не уйдёт в депрессию, потому что тень сомнения обходит его, как прокажённого, стороной. Вам нужны доказательства моего гения? Вот, они стоят на полке, наверху, внизу, в ящике, на кухне, потому что не помещается уже, а скоро ещё должны парочку дать. Вам мало? Ну, тогда взгляните сюда. Это я в обнимку с самим N! А здесь в Коктебеле я в тёплой кампании живых классиков. Узнаёте слева от меня Z, а внизу – G?

Время, конечно, всё расставит по своим местам: томики одних авторов окажутся на полочке в первом парадном ряду, что-то будет задвинуто во второй... Какие-то сборники окажутся на даче – для летнего листания или растопки мангала. А многим другим книжкам прямая дорожка в макулатуру!

Было время, Игорь Северянин обижался на модного в те годы поэта-символиста, горько восклицая: «Живу, где в мире центрит Надсон, а я и Мирра – в стороне». От пессимизма Семёна Надсона курсистки тогда падали в обморок, но кто теперь вспомнит его? Забыта также и Мирра Лохвицкая, которую называли «русской Сафо», а Северянин утратив лавры «Короля поэтов» остался в антологии поэзии Серебряного века не более десятком своих лучших стихотворений.

Интересно всё же, а кто из современных казанских поэтов, просочившись сквозь песок времени, останется? Вспомним пузатый коллективный сборник «Как время катится в Казани золотое», который был выпущен с многочисленными ошибками и описками (запомнилось, в чьём-то стихотворении, вместо «чёлн» – «член»). Вытряси оттуда графоманов, останется всего-то несколько авторов. И усохнет томик до брошюрки!

Может, хлеба лучше пожевать?

Недавно открываю один гламурный журнальчик и вижу фотографию Айрата Бик-Булатова, который обычно выходит растрёпанным на сцену с авоськой своих стихов и мямлит их, закатив глаза. Он пытается привлечь к себе внимание, примеривая образ юродивого. Ему нет ещё и тридцати пяти, но в блиц-интервью он вполне серьёзно заявил, что готовит свой пятитомник (!) и уже в мае этого года собирается его издать. Что туда будет понапихано, одному графоманскому богу известно, хотя догадаться несложно.

Сбором красивых наград-безделушек да заказных восхвалений столичных мэтров самой себя, любимой, целиком занята наша поэзо-леди (раз есть бизнес-леди!) Лилия Газизова.

В свободное от коллекционирования панегириков время, поэтесса попи-

сывает. Но такое впечатление, что происходит это в будуаре на розовом пуфике павлиньим пером. По виду вроде бы стихи – строки уложены столбиком, если поискать, иногда попадаетея глагольная рифма. Но вот содержание...

* * *

Всё равно-то мне не спится.
Что ж лежать?
Может, хлебушка на кухне
пожевать...

Вряд ли сон нагонят
Марли и Пиаф.
Может быть, не спит и тот,
кто был не прав.

Вдруг подумалось –
угнать бы самолёт!
Что-то рано нынче утро настаёт...

Лиля убедительно играет поэтесу. Эта роль стала её жизнью. Тонкая сигаретка в пальцах, дымок, набрасывающий прозрачную вуальку на её утомлённые глаза, и губы, шепчущие рождённые в небесных сферах строки. Но антураж есть, вместе с громким и пустым заявлением о том, что она «третья поэтесса с фамилией татарской», а вот поэзии – нет. Только какие-то мутные утверждения, от которых, честное слово, с души воротит.

* * *

Правде ложь предпочитаю.
Ведь она говоритса словами
Красивыми и тёплыми.

Ложь это живые цветы.
Ложь быстро вянет.
Правда – сухой стебелёк,
Что от лжи остаётся.

Правда бедным нужна.
Бедным телом и душой.
У меня же красивые щиколотки.

А это что за патология?

* * *

Доверчивых надо бить.
Замахнуться сильнее
И ткнуть в живот больно.

Правда, я ни разу не била.
Рука не поднималась
Бить людей.
Но я знаю точно:
Доверчивых надо бить.

Ещё одна поэтесса, обвешанная регалиями и, как щитами, прикрывающая своё хилое творческое «я» громкими именами, это Ольга Левадная. «Высоко оценил её сборник в своих письмах Булат Окуджава и Андрей Дементьев», – так написано в Интернете. На неискущённого читателя (одиноких милых дам – завсегдатаев поэзо-вечеров) это, само собой, подействует. Но меня на мякине не проведёшь! Я знаю цену этой «высокой оценки». Подмахнули, лишь бы отвязалась. К тому же Окуджава – песенник, он мастер не стихов, а текстов, которые хорошо ложатся на струну. Дементьев – поэт не от Бога, а от комсомола. Мне запомнились такие ироничные строки неизвестного остряка тех лет, ходившие по рукам в самиздатовских листочках:

Осталось мне попробовать ещё,
Закрывшись на засовы в кабинете,
Стихами написать, но хорошо,
О матери, о жизни, как Дементьев...

И уж тем более ухмыляешься, узнав, что «Книги Левадной можно встретить в Национальной библиотеке США. Она считается одной из самых принципиальных, неординарных и ярких поэтесс своего времени». Но я голому слову не верю, подайте-ка мне на пробу её стихи:

Я люблю белолицую Казань,
ноги которой
омываются живительными водами,
зацелованный снегом Кремль,
ещё благоухающий осенней листвой,
и разъяття площадей,
подобно страстному прощанию...

И с чего это вдруг Казань стала белолицей? Единственное белоснежное строение в городе – это, насколько я помню, Кремль. А если имелся в виду собирательный образ казанца, то он скорее смуглый, впрочем, как и в Мо-

скве тоже. Теперь про ноги. Интересно, откуда у Казани растут ноги? Может, это трубы ТЭЦев или Оргсинтеза? Не понятно. И по поводу «живительной влаги» тоже, уж не бурую ли Казанку подразумевает автор? Кремль, зацелованный снегом, совсем надуманный образ. На крепостные башни снег может быть наброшен как песцовая шуба или шаль, а вот холодное прикосновение на морозе к заиндевевшим стенам больше похоже на поцелуй смерти. Читая дальше, я понимаю, что Левадная никогда не нюхала осеннюю листву. На ветвях она пахнет солнцем, а упавшая – сыроежками и мышами. Ляпнуть такое о «благоухании» даже романтик эпохи Людовика XVI не решился бы! А как непозитично звучит «разъятья площадей» и безвкусно – «страстное прощанье»! Всего-то несколько строчек, а сколько неточностей и фальши.

Казань, уважаемый автор, не такая! Она совсем другая... Вот, к примеру, у Геннадия Капранова:

**Сквер совсем разорён, он банкрот!
Пали акции мелких акаций.
Он стоит среди жёлтых банкрот –
Очень скверно в сезон девальваций!**

Для того, чтобы так написать, нужно всего-то – напиться, заночевать у случайных знакомых, а утром стоять с вывернутыми карманами в городском скверике и плакать, чувствуя себя одиноким, побитым, несчастным... Ко всему этому, правда, ещё нужна одна малость: Божья метка прямо сверху – в темечко! По одной этой строке «Пали акции мелких акаций» можно говорить, что перед нами незаурядный поэт.

Ну, и чтобы девушки, которые балуются стихами, не скучали, приведу к ним одного очень знаменитого мужчину. Имя его теперь у всех на устах. Это – Денис Осокин! Человек он хороший, очень добрый, только вот пишет, ну, это... Ну, короче, туши свет! Словесная муть с зародышами образов, вообще осокинское вялое письмо похоже на бормотание знахарки-марийки. Ни мускула, ни нерва в его текстах, сплошной

холодец. Но читатели восторгаются, есть среди них даже именитые. Может, заблуждаются, а может дурочку включили?! А недавно он стихи написал, которые были опубликованы аж в «Октябре» и проанонсированны редакцией с восторгами, как будто бы неизвестную рукопись Пушкина нашли...

**я хочу чтобы ты
никогда не плакала
никогда не гасла
я хочу каждый день
пока магазины открыты
кругами ходить по городу
выбирать покупать тебе
оливковое масло.
красивые эти бутылки
в день по несколько раз
приносить привозить
на красных автобусах
на такси и пешком
прямо к тебе домой.
заправлять им твою еду.
кормить тебя этой едой.**

Прочитав эту галиматью, я готов свои слова о казанских поэтессах забрать обратно!

С прозой в Казани ситуация получше. Айдар Сахибзадинов, хоть и бывает местами не отёсан, но его корявость напоминает кряжистое дерево. Он не размусоливает, не тянет словеса, а точно «отстреливается». В его случае необразованность и крестьянско-пролетарская жилка придают рассказам своеобразный привкус подлинности. Это не кабинетный писатель-чистюля! Такое ощущение, что он пишет, пристроившись на щербатой лавочке у какого-нибудь старого покосившегося дома в районе улицы Хороводной или Низенькой. Но сколько лет он не слазит со своей темы-кобылки (пьяная молодость в старом городском районе, называемом «Калуга»), что бока ей протёр до кости. Поднадоело уже!

Ахат Мушинский упорно клепает свои большие романы-корабли. Он их отрешённо от современности конструирует, хотя время романов давно уже прошло. Их читатель уплыл куда-то! Но автор упрямо мастерит на берегу свой

барк, а рядом водные скутеры шныряют и брызгами его обдают...

Листаю тоненькие (уже хорошо!) книжки Салавата Юзеева. Слова текут плавно, усыпительно. Ни порогов, ни воронок, ни вешнего мусора. Нудно, то скливо и почему-то сразу хочется водки. Рустем Сабилов, он как брат родной Салавату, строчит с ним под одну копирку. Квёлые усыпительные сюжеты, неинтересные ситуации, тягомотные разговоры. Их книги похожи на сны двух стариков.

У казанского прозаика Евгения Сухова кирпичи книг увесисты. Трудится он в поте лица, наваливает кучами. Пока до конца тома добредёшь, забудешь что там было в начале. Герои второго плана живут у него недолго, он их быстро и разнообразно мочит. Потом написанное отправляет в московское издательство, и там его писанину заворачивают в пёстрые обёртки. Ешь, читатель, только не поперхнись!

Майя Валеева – это зоолог в литературе. Собачек она любит больше, чем *homo sapiens*. Даже в своих рассказах, где главный герой человек, нет-нет, да и проскользнёт её зоофилия:

«Пол никогда не был охотником и не понимал страсти к охоте. Убивать живое существо ради развлечения, вешать потом на стены рогатые головы со стеклянными глазами или чучела птиц – всё это казалось ему дремучей дикостью. Но больше всего его поражало, что здесь любили убивать животных и птиц не только взрослые, но и дети. С восьми лет их учили стрелять в животных, брали с собой на охоту. Глядя на этих ангелочков, Пол Андерсон в некотором смятении думал: «Где же проходит грань между способностью убить животное и способностью убить человека?..»

Вездесущий Адель Хаиров до сих пор не может расстаться с прыщавым юношеским романтизмом. Пытается скрестить прозу с поэзией – даже в описании трупов, помоек и т.п.

В поисках «графомана казанского» забредаю на сайт Татарстанского отделения Союза российских писателей. Прозаики здесь водятся маститые, под-

кованные. Русским владеют хорошо. Как же, члены! Кого попало сюда не пускают. Но ведь пролезает черти... Вон, одна поэтесса мелькнула и быстренько спряталась за чью-то спину:

**Наконец-то дома я опять!
Даже снег здесь кажется белее,
От него и вся земля светлее.
Отдохну и в лес пойду гулять.**

Но это случайности. В целом уровень приличный. Вот, например, Александр Воронин, выпускник Литинститута им. Горького (курс драматурга Виктора Розова) разместил здесь свою разноцветную повесть «Лиенере»:

«Возле кустов, где недавно резвились львята, стояла очень стройная изящная девушка, которая, как только Леся её заметила, тут же стала к ней приближаться. Простое просторное платье её ниспадало до земли причудливыми складками, из-за них движения ног идущей не было видно – и казалось, что она не шла, а будто плыла над волнующимся туманом цветов».

Какая-то мультяшная девочка в простом просторном (язык сломаешь) платье повсюду порхает, порхает... Уж не засадил ли красными маками Воронин свой приусадебный участок? Непонятно, зачем он накатал эту сказку? Да, скорее всего, просто так. Со скуки! Много у него выложено на авторской странице драматургических произведений. Хотелось бы мне посмотреть на современного читателя, который с удовольствием читает эти пьесы!

Второе место по писучести, после Сухова, разумеется, принадлежит Леониду Девятым. Где-то он хвастал, что в день выдаёт страниц тридцать прозы. И кому нужны эти стахановские рекорды? Его тема – это криминал и исторические драмы, детективы. Пробовал почитать и не раз, но книжки Девятым, как мягкие подушки...

«Во главе стола, подавляя как бы всех своей тучностью, сидела, прикрыв тяжёлые веки, госпожа Шарлотта фон Баннер, девица годов под пятьдесят, она же *spiritus medium*, то есть посредник меж-

ду мирами людей и духов. По правую её руку сидел губернский предводитель дворянства статский советник Киселёв, старик с плешивой головой и выцветшими глазами под пушистыми седыми бровями; по правую – титулярный советник Максимилиан Заруцкий, молодой ещё человек годов тридцати двух с брюшком и умным взглядом. Рядом с ним...»

Как же всё это назвать? Не графомания же?! Литературой для лёгкого чтения? Или лучше, для никчемного? Такое ощущение, что авторы безнадежно отстали от поезда-современности, сидят в привокзальном буфете и дуют чай из самовара, макая в блюдце сахарок.

Словесный портрет графомана

Графомана можно «поймать» по некоторым отличительным признакам, это, в первую очередь, *плодовитость*, *многословие* и *напор*, с каким он пытается издать свою писанину. Лесть, просьбы, угрозы, интриги... – всё идёт в ход. Также он не способен логично мыслить, отличать главное от второстепенного. Добавим, что графоман напрочь лишён чувства юмора, а ещё он в обязательном порядке очень болезненно и агрессивно реагируют на любую критику и даже на мимолётное упоминание своей персоны со знаком «минус».

Конечно же, моя «тень на плетень» не способна накрыть всех казанских графоманов, я лишь выборочно и показательно пометил случайно подвернувшихся под руку. И потом не все писатели в Казани – г... Есть среди них беллетристы, люди пишущие, пописывающие в охотку, искренне влюблённые в литературу, но не способные подняться на следующий более высокий уровень из-за приземлённости своей. Хоть и богата земля наша талантами, но чрезвы-

чайно редки они в литературе. А вокруг них вьётся тучей мошकारа...

Графоманию мы противопоставляем художественному слову. Явный бред и хаос – закрученной, но логичной сюжетности, языковую кашу – стилистической утонченности. Банальность – оригинальности, многословие – скуposti, когда слова, как стрелы, ложатся точно в цель, и т.д. Здесь всё понятно и ребёнку. Но как быть с графоманией скрытной, которая ловко мимикрировала и теперь прикидывается подлинной литературой?!

Современный графоман, прикрывается экспериментом (точнее, его имитацией), заумью, и даже цветовым импрессионом. Далекое не всегда удаётся его распознать сразу и поймать за шкирятник. Ещё сложнее, когда автор просто поражал в юности своей необычайной даровитостью, а к преклонным годам скатился в серость. Как будто бы подхватил вирус!

Рассматриваю картины казанского художника Михаила Кузьмича Нефёдова. В конце 50-х он написал оттепель в посёлке Юдино. Потрясающе! Снег отяжелел, набряк влагой, тут выглянуло солнце, и он стал сиреневатозеленым. Художник взял тонкую кисть и два раза провёл ею «плашмя» вслед за лыжником по толстому слою масляной краски. Эта картина пахнет мартом, она звонко капает! Прошло полвека, художник всё ещё творит. Но теперь краски его поскущели, кисть мельтешит, ковыряется на месте. Как будто бы Нефёдова подменили. Хотя чаще бывает наоборот. В юности человек во всю графоманит, затем затихает на время и вдруг как бы перерождается!

Бывает и так, что автор творит неровно. В скучном потоке произведений вдруг вспышка, как озарение, и на тебе – шедевр! Потом опять долгое затишье. Даже если взять безусловных гениев и отбросить своё преклонение перед громкими и любимыми именами, то в их творчестве можно будет легко отыскать слабые вещи, недостойные даровитого

пера! У Пушкина перечитайте «Дубровского», отдельные слишком уж романтические главы, можно было бы и подсократить. «Яма» Куприна – то же самое. Слишком затянута повесть. На поверку окажется, что многим классикам попросту нужен был хороший редактор. Недаром Бунин грозился отредактировать «Войну и мир» Толстого.

Но вернёмся в наши дни. Бал сегодня правят ещё живые, но уже «забронзовевшие» классики. У них ступеньки к пьедесталу сделаны из золочёных кубков и статуэток, вручённых им на различных конкурсах и фестивалях. На груди у мэтров болтаются какие-то экзотические медали и ордена, с эмалевым покрытием. Каждая такая награда – это «розовые очки», затуманивающие окружающий мир. Вскоре автор перестаёт реально оценивать себя и своё творчество. А в момент, когда его вдруг посещает сомнение – «А так ли я хорош на самом деле?!», – он видит сияние музы на подставке. И она его успокаивает, как любимая жена: «Ты – гений! Как дважды два». И это, как истина в последней инстанции, закрепляет в голове залетевшую туда букашку самодовольства.

Поэт, спустившийся на грешную землю

Недавно в одном приличном казанском журнале нашёл я «публицистическую поэму» признанного татарского поэта на русском. Называется «Улица». Перевод неплохой, чувствуется рука выпускника, должно быть, ВЛК. Хотя ляпов предостаточно. Поэма снабжена фотографиями, на которых сам коренастый поэт с сосредоточенным, как у важного чиновника, лицом бодро ведёт экскурсию по местам своей молодости.

**Вот – Льва Толстого улица моя
от Бутлерова шаг свой ускоряет.
Бежит на север с резвостью ручья
и там – в Казанку весело впадает.**

Повсюду на заборах и столбах его дразнят язычки объявлений, которые он жадно читает и ужасается. Ба! Оказывается всё теперь можно купить: и курсовую, и диссертацию, и даже... любовь! И тут мне стало интересно: откуда же он вышел этот, покрывшейся инеем седины бабай, из какой берлоги вылез? На его лацкане ещё недавно депутатский значок сверкал оберегом от суровой городской действительности. И вот, прозаседавшись лет десять (никак не меньше!) в мягком кресле, выбрался наш стихотворец поразмять косточки. Оглянулся, а город уже не тот! Всё вокруг изменилось. Особенно крен дала нравственность... Поэт и сам чувствует, что слегка «заплесневел»:

**Возможно, я от жизни чуть отстал.
Но я хожу, смотрю, читаю стены,
и всё, что я читаю, бурей став,
тревожит сон мой и взрывает вены.**

Он списывает адресочек, где стряпают диссертации на вынос, для того, чтобы удостовериться, а так ли это на самом деле.

**А я – поэт! Я всё через себя
Во имя правды пропускать обязан...**

Затем на его пути вырастает греховный фаллический столб в бахроме неплохих телефончиков. И поэт – столбенеет!

**Вот объявление снова на стене –
на два часа сдаёт кровать хозяин.
Не позвонить ли между делом мне?
Но что сказать? О чём спросить?..
Не знаю...**

**Восходит всюду пошлость лебедой.
Казань моя! Не пей её отравы!..
И ты ль – одна?**

**По всей стране бедой
Цветёт разврат, калеча дух и нравы.**

И он, как принц, спустившийся с трона и оказавшийся в нищем квартале,

решает попробовать на зубок этот грязный плод! Берёт телефончик и набирает дьявольские циферки, которые в его глазах пляшут чёртиками. Я уверен, что при этом он сильно возбудился. Мужик ведь всё-таки! Изначально в его исследовании «дна» души был заложен этот скрытый за показным морализмом сексуальный порыв, который в мужчине до самого конца заложен. Купить «любовь», но спрятать своё плотское желание в презерватив нравственности. Я – поэт, я вскрываю гнойники общечеловеческой жизни! Вот это и отталкивает от поэмы.

Уж куда было бы интереснее, если б поэт на старости лет сорвал с себя маску целомудрия, послал мораль к чёртовой матери и погусарил всю ночь с девушкой по вызову... Потом написал бы поэму, где признался б читателям: «Я всю жизнь терпел, прикидывался, но – хватит, срываю маску святоши с лица и бросаюсь в омут греха с головой. Ведь я человек! К тому же поэт, чёрт возьми!»

Вот, это была бы поэма! Но куда там, кишка тонка. Хотя, помню, как в молодости он сладко и пьянительно нарисовал стихами натурщицу, которая вся светилась наготой в мастерской художника. Он пушистой беличьей кистью ласкал ей грудь и щекотал шею, соскальзывая к бедру. В изгибах девичьего тела тогда встретились похоть и светлое чувство. То было честное произведение.

Вы скажете, путь молодого дарования к морализирующей старости логичен. Да, но только для заурядных писателей. Вспомним, какой огонь страсти согревал и будоражил уже слабеющую плоть Ивана Бунина, когда он в 67 лет принял за свои «Тёмные аллеи» (закончив этот цикл в восемьдесят три, писатель умер). В ней вы не найдёте ни строчки нравоучения, а только одни совращения и греховную плотскую любовь. Всё это осталось бы литературной порнушкой, если бы не талант автора. Он-то и возвысил этот земной грех до небес! Вообще, мне кажется, что «Тёмные аллеи» родились из «Станцион-

ного зрителя» Пушкина. Бунин как будто бы услышал шёпот Александра Сергеевича *оттуда* и лишь дописал им не написанное. И уж не «Гавриилиада» ли вдохновила Набокова на создание «Лилит» (роман «Лолита» будет создан следом):

**Без принужденья, без усилия,
Лишь с медленностью озорной,
Она раздвинула, как крылья,
Свои коленки предо мной...**

Или:

**...уже восторг в растущем зуде
неописуемый сквозил, –
как вдруг она легко рванулась,
отпрянула, и ноги сжав,
вуаль какую-то подняв,
в неё по бедра завернулась...**

И почти плавный переход из стиха в стих – под словесный «полупрозрачный» покров, сотканный самим Пушкиным:

**Он, точно он! – Мария поняла,
Что в голубе другого угощала;
Колени сжав, еврейка закричала,
Вздыхать, дрожать, молиться начала,
Заплакала, но голубь торжествует,
В жару любви трепещет и воркует,
И падает, объятый лёгким сном,
Приосеня цветок любви крылом.**

Вспомним также, что Дюма-сын посвятил падшей женщине роман «Дама с камелиями», полный сочувствия, любви и лирики. Его сюжет стал основой огромного числа фильмов и сценических произведений, в том числе оперы «Травиата» и одноимённого балета на музыку Дж. Верди, а также балета «Камилла» на музыку Ф. Шуберта... Марина Цветаева написала стихотворение «Даме с камелиями». Вот только две строчки из него:

**В чём вина твоя? Грешило тело!
Душу ты – невинной сберегла.**

Бальзак создал одно из лучших своих произведений «Блеск и нищета куртизанок», подняв социальную проблему и продемонстрировав всю её неодно-

значность. Роман Эмиля Золя «Нана» (на ту же тему) расколола Францию на сторонников и яростных противников писателя. Заговорив о классиках, которые в своём творчестве обнажали эту щепетильную тему, нельзя пройти мимо «Незнакомки» Александра Блока. Сейчас нам непросто распознать в героине стихотворения даму лёгкого поведения, выехавшую на «охоту». А тогда после появления этого поэтического произведения многие уличные женщины, представляясь клиентам, стали называть себя Незнакомками.

Блок не стал бросать камень в падшую, он возлюбил её и возвысил!

**И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.**

Но нашему поэту удобнее поза мэтра, который судит свысока. Он – возмущён!

**Слова пылают красным фонарём,
и – телефоны рядом, без опаски.
Июльской ночью, белым январём
Звони – и купишь и любви, и ласки.**

**Но стыдно даже думать о таком!
(А власть – молчит,
забыв свой грозный норов.
Хотя послать бы сыщиков тайком
Да отловить всех этих сутенёров...)**

Особенно интересным представляется критика власти, если учесть, что наш поэт в самый критический момент «расшатывания» нравственности в стране был представителем оной! Если бы он обличал своего лирического героя, смеясь над его ханжеством, тогда другое дело. Но героя нет, есть автор, который не стал прятаться за спиной вымышленного персонажа.

**И, отыскав листочек, где «досуг»
мне предлагали
в самых разных формах,
я, избавляя грудь свою от мук,
набрал, волнуясь, номер телефона...**

**...И вот – раздался в дверь мою
звонок.**

**Жена ушла к себе и там застыла.
Я дверь открыл.**

**И пара стройных ног
через порог легко переступила.**

Седой извращенец (так, конечно, подумала девушка) провожает её, облизываясь, в ванную, а сам исходит брезгливостью и гневом. Он достаёт бокалы...

**Чтобы вином контакт наш укрепить,
я вновь налил –
мол, выпьем, королева!
А сам пытался сердце укротить,
чтобы оно не выплеснуло гнева.**

**Мне было важно свой эксперимент
не провалить и в душу к ней
пробраться,
чтоб, до конца используя момент,
в грехопаденья сути разобраться.**

Гнусен и пошёл его эксперимент. Уж лучше бы отдал лишние деньги больным детям, а суть грехопадения искал в книге Толстого «Воскресенье» или «Мои университеты» Горького, но...

Потом к ночной бабочке из кухни выплыла строгая жена поэта, и они вдвоём начали «выедать» девице мозг: «А как всё это мать твоя с отцом перенесут?» И тут я вспомнил его внешний облик... Но что внешность, когда он сам о себе, даже не подозревая того, поведал в этой поэме столько мерзостей...

**Я дверь закрыл за нею, и бокал
в ведро отправил, а жена в гостиной
открыла окна – чтоб страстей накал
в ночной прохладе
безвозвратно сгинул.**

**Потом вздохнула горько в тишине
и старым дурнем назвала привычно
Меня... А я – бубнил, что это мне
сюжет поэмы укрепит отлично.**

А мы отправим в ведро его поэму с «мастерски» укреплённым сюжетом, хотя, нет, лучше оставим в назидание потомкам, как образец моралистической графомании.